

ИВАН Иванович Петров путь от начинающего певца до всенародно признанного прошел в укороченные сроки. Начав артистическую деятельность в двадцать один год (перед самой войной), к 39 годам он достиг высшего звания — народного артиста СССР.

Что говорить, завидно удачная судьба: в 1943-м зачислили солистом в труппу Большого театра Союза ССР (уже немало для молодого певца!); 1947 и 1949 годы принесли победы на международных конкурсах вокалистов — сперва в Праге, затем в Будапеште, а в 1950-м и 1951-м — одну за другой Государственные премии СССР (за партии Кочубея в «Мазепе» Чайковского и Досифея в «Хованщине» Мусоргского).

— Работал, как зверь! — смеется Иван Иванович. — Закалка спортивная очень помогала. Ведь мальчишкой-школьником я и в голову не держал сцену, оперу, хотя в семье у нас пели, братья и сестра занимались вокалом. Слух, признавали сведущие люди, отличный; запоминал мгновенно. Нот я не знал совершенно, но очень часто напевал всякие арии, даже трудные. Однако все это про себя и для себя. А по-настоящему волновал меня в ту пору только спорт. Хотел его избрать в качестве главной жизненной дороги: физических данных хватало, увлечен был страстно и успехи признанные, как-никак играл в волейбольной команде мастеров за «Локомотив»! И вдруг...

(Как часто эти «вдруг», решительно ломающие судьбы, встречаешь в актерских биографиях!).

— Не знаю уж, как сказать, «помогла» или «виновата» была привычка распевать на ходу. Бегу однажды по коридору (тогда я учился в 8-м классе 57-й московской средней школы) и «разливаюсь» в арии Гремину. Вдруг кто-то цап за рукав. Оказывается, учитель пения (Дмитриев была его фамилия). «Что поешь?» — спросил он с интересом — мол, знаю ли? Ответил. «А ноты читаешь?» Нет, конечно. Однако учитель достал ноты, посадил меня рядом; он аккомпанировал, а я по слуху пел. Так мы протрудировались и арию Гремину, и арию Руслана «О поле, поле», а потом все это изобразили на вечере самодеятельности. Успех был огромный. С той поры ни один школьный вечер не проходил без моего участия. Окончательно решила моя карьера, когда на один из школьных вечеров приехал в то время очень известный тенор Большого театра Сергей Петрович Юдин. Услышав меня, он настойчиво посоветовал учиться профессионально. Да и сам я к тому времени все явственнее ощущал, что вокальное искусство берет постепенно в плен.

Послушался, пошел пробовать в Училище имени Глазунова. По сей день вспоминаю довольно комичную сценку: явился на прослушивание в спортивной майке «Локомотива». Сложения я был атлетического, роста высокого, одним словом, мастер спорта, готовый к состязанию. Да еще к тому же от

люди искусство

СЧАСТЛИВАЯ ДОРОГА

М. ИГНАТЬЕВА

стеснения всю арию Руслана пропел, отвернувшись от комиссии и глядя в окошко, чем вызвал, естественно, иронические улыбки. Однако пел, очевидно, неплохо, так как с первого же тура был принят (в класс Анатолия Константиновича Минеева). Теперь уже не количеством забитых мячей в волейбольных матчах измерялись мои достижения, а количеством освоенных нотных знаков, ролей, партий, продолжительностью аплодисментов. Они позволяли судить о плодотворности моих творческих усилий, не напрасно ли я предпочел искусство спорту.

Не напрасно ли? Его имя с почтением и любовью произносят не только в нашей стране: в великолепии образов Бориса, Досифея, Галицкого, Кончака, Бестужева (в «Декабристах»), Гремину, Кочубея, Мефистофеля, Дон Базилло, Нилаканты и еще десятка других убеждались все, кто бывал на спектаклях с участием замечательного мастера оперной сцены. И сколько ни писали рецензенты, не было статей, в которых не отмечались бы его высокая певческая и сценическая культура, умение многогранно нарисовать образ героя.

Впрочем, по отношению к И. Петрову подобное разделение — певческая и сценическая культура — неправомерно. В том сила и своеобразие его дарования, что он как раз является тем самым певцом-актером, о котором мечтал всегда Станиславский. «Оперный певец», — писал Константин Сергеевич, — имеет дело не с одним, а сразу с тремя искусствами, то есть вокальным, музыкальным и сценическим. Если одно искусство будет воздействовать на зрителя, а другое — мешать этому воздействию, то результат получится нежелательный». У Ивана Петрова именно сразу все три искусства воздействуют на зрителя.

— Выстраивая образ, — подтверждает певец, — я иду от музыки, от вокальной партии, здесь ищу рисунок роли в полном соответствии с логикой развития музыкальной драматургии...

Мы беседуем в кабинете Ивана Ивановича. О своих первых шагах Иван Иванович рассказывает с улыбкой — как юношей-студентом второго курса училища попал в ансамбль оперы Московской филармонии, руководимой Иваном Семеновичем Козловским, и получил «ответственное задание» постановщика С. Остроумова исполнить роль Ивана Грозного в «Царской невесте».

— Роль бессловесная. Надо было пройтись царской походкой с посохом по сцене. Прodelал я это весьма ответственно, получилось со-

лидно, весомо, и это привлекло внимание к моей особе...

Казалось бы, все предвещало счастливую актерскую карьеру, забрезжили надежды на большие роли, в представлении молодого певца уже рисовались заполненные залы, аплодисменты, успех...

С началом войны мечты рухнули. Труппа артистов Московской филармонии, в их числе и Петров, была направлена во Фрунзе, занималась активнейшей концертной деятельностью. А потом организовались бригады, обслуживавшие фронтовиков. В одной из них оказался Иван Иванович. Дорога на фронт пролегла через Москву.

— Трудно было удержаться от посещения своего педагога, от того, чтобы не продемонстрировать ему, как преуспел на артистическом поприще. Анатолий Константинович Минеев посоветовал показаться дирижеру Большого театра С. Самосуду. И вот, представьте себе, в военной гимнастерке, в старых, заляпанных брюках, в кирзовых сапогах явился я к знатоку и тонкому ценителю музыки. Спел арии Гремину, Сусанина. «Что еще знаете?» — строго спросил меня «экзаменатор». Спел Дон Базилло и еще какую-то арию. Как мне показалось, Самуил Абрамович остался

речивый характер царя-убийцы, мучимого совестью. Как писали парижские газеты по поводу выступления певца в «Гранд-Опера», в «Борисе Годунове» «советский артист вроде бы ничего особенного не делал — не ломал стулья, не перебрасывал столы, не метал подсвечников, не душил Шуйского, а просто спел все, что написано у автора, и таким образом передал слушателям эмоциональный мир своего героя». Действительно, не безумным нажимом на страсти добивался он ошеломляющего впечатления у публики, а музыкально-сценической выразительностью.

Этим же он покорила публику и критику в Барселоне. Кстати, Иван Иванович одним из первых советских певцов выступил на испанской сцене. А вообще он объехал едва ли не весь мир, побывав в странах Западной Европы и Азии, в США, Канаде, Австралии, Новой Зеландии. И всюду огромный успех, всюду рецензенты отмечают великолепное мастерство, культуру певца, красоту, силу и широту диапазона голоса. Всюду говорят об его истинном драматическом таланте, причем о какой бы партии ни шла речь, она объявляется той самой, единственной, ради которой щедро отпущен природой редкий дар артиста.

Любопытно, что в «Князе Игоре» артист исполнял сразу две роли — Галицкого и Кончака. Как сам он относится к этой сложнейшей творческой задаче?

— Конечно, исполнять сперва Галицкого — сильно и озорного, властолюбивого и чувственного, создать образ насквозь русский, а потом, едва успев передохнуть, выходить вновь, уже Кончаком, очень трудно. Здесь одна «внешняя перестройка» — не шуточки: только для перемены грима и костюма нужно много времени и большая тщательность. Но все это ничто по сравнению с «внутренней перестройкой».

В данном случае, нет сомнения, успех решали артистический талант певца и огромная работоспособность, творческая воля. Ими, помимо красивейшего, могучего голоса, музыкальности, выразительной сценической внешности, щедро наделен И. Петров. Хотя, собственно, этим и определяется мера истинного таланта — страстной целеустремленностью, неуемностью в стремлении к новым и новым высотам мастерства.

Кроме оперной сцены, И. Петров очень много выступал с Русским народным оркестром имени Осипова, с камерными программами.

И сейчас И. Петров ведет активную гастрольно-концертную деятельность, исполняя сложные и разнообразные программы, включающие произведения классиков и современных авторов, русские народные песни. Он частый член жюри всесоюзных и международных конкурсов вокалистов. Миллионы зрителей и слушателей встречались с артистом — автором и ведущим телевизионных музыкальных циклов.

Но есть еще одна, я бы сказала, неожиданная область, в которой проявился многосторонний талант известного певца, — кино. Думаю, многим памятен фильм-опера «Евгений Онегин», в котором единственным исполнителем экранного и звукового образа (остальные роли дублировались) был Иван Иванович Петров в роли Гремину. С трудом верилось, что такой свободой движений, жестов, такой выразительностью мимики, умением «выдерживать» даже крупные планы, может обладать мастер оперной сцены. И если в какой-то мере это можно было объяснить жанром киноленты — опера-фильм, — то уж следующая картина «Всадник без головы» — киноискусство в чистом виде. Уверена, не многие соотнесли здесь фамилию Петров в титрах с известнейшим оперным исполнителем. А ведь это он. Он дерзнул сняться в фильме, с большим успехом сыграв одну из главных и ответственных ролей.

— Постановщики были очень довольны, обещали еще позвать, да что-то никак не дождался их сигнала, — смеется Иван Иванович. — Вот и приходится пока заниматься своим кровным делом.

Делом, отмеченным недавно высокой правительственной наградой — орденом Дружбы народов.

Народный артист СССР И. Петров.